

В.В. Дементьева

ОБЪЕМ ПОЛНОМОЧИЙ РИМСКИХ КОНСУЛЯРНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ

Историческая реконструкция римской республиканской политической системы включает в себя необходимой составной частью изучение сферы компетенции магистратов и характера их должностных полномочий. Наиболее сложными и дискуссионными являются вопросы об осуществлении исполнительной власти в V – первой половине IV в. до н.э., так как именно на этом хронологическом отрезке происходило формирование ее структур. В период Ранней Республики шел процесс выработки оптимальных способов управления гражданским коллективом со стороны лиц, которые были призваны быть его политическими руководителями и военными вождями. Поиск путей поддержания жизнеспособности *civitas* и ее государственного укрепления включал в себя как создание новых органов власти, так и оформление методов ее реализации. Причем найденные способы осуществления полномочий верховного управления могли иметь гораздо более долгую конституционную жизнь, чем отдельные структуры, намного ранее их возникнув и явно позднее исчерпав себя. К числу римских магистратур, чье политическое существование было сравнительно непродолжительным, но закрепило ряд важных, как уже известных, так и впервые появившихся принципов функционирования исполнительной власти (и одновременно скорректировало их использование), относился консулярный военный трибунал, применявшийся в государственном устройстве в период 444–367 гг. до н.э. Анализ полномочий консулярных трибунов, выяснение объема сосредоточенной в их руках реальной власти позволяет точнее определить характер этой магистратуры и глубже понять содержание данного этапа складывания основных звеньев политической системы римской общины.

Указания на компетенцию изучаемых магистратов содержатся в названиях их должности, приводимых античными авторами. В качестве полного титула Ливий использует выражение *tribuni militum consulari potestate* (Liv. IV. 6.8¹ и др.). Эту же формулу применяет Помпоний². Именно определение *consulari potestate* сохраняет для характеристики их полномочий Евтропий в своем Бревиарии³. Тит Ливий обозначает их также *tribuni consulari potestate* – трибуны с консульской властью, *tribuni consulares* – консулярные трибуны (VI. 1. 1; VIII. 33. 16). Корнелий Тацит в «Анналах» отмечает

¹ Liv. IV. 6. 8: *per haec consilia eo deducta est res, ut tribunos militum consulari potestate promisce ex patribus ac plebe creari sinerent, de consulibus creandis nihil mutarentur* («Во время этих совещаний дело дошло до того, что допустили избрание военных трибунов с консульской властью из патрициев и плебеев, в избрании консулов ничего изменено не было»).

² Pomp. I.s. enchir. = D. 1. 2. 2. 25: *plebs contenderet cum patribus et vellet ex suo quoque corpore consules creare et patres recusarent: factum est, ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate* («Плебс боролся с патрициями и хотел избирать консулов из своего сословия, а патриции не соглашались, и было допущено, чтобы избирались военные трибуны с консульской властью, частью из плебеев, частью из патрициев»).

³ Eutr. II. 1. 3: *dignitates mutatae sunt, et pro duobus consulibus facti tribuni militares consulari potestate* («Почетные должности были изменены, и вместо двух консулов созданы были военные трибуны с консульской властью»).

консульскую власть военных трибунов⁴. Имеются указания на консульскую власть военных трибунов и у греческих авторов⁵. Так, Дионисий Галикарнасский прямо отмечает ὑπατικὴ ἐξουσία⁶, а Диодор Сицилийский называет ὑπατικὴ ἀρχή⁷. Плутарх в биографии Камилла подчеркивает, что во всем их власть и могущество были консульскими⁸.

Кроме того, античные писатели позволяют составить представление, что консулярный трибунал вводился в статусе высшей магистратуры, заменяя консулат. У Тита Ливия (IV. 7. 1; 41. 10) содержатся выражения *tribuni militum pro consulibus* – военные трибуны в качестве (или вместо, или наподобие) консулов. Подобный вариант имеется и у Авла Геллия: *tribunos militares qui pro consulibus fuissent* (Gell. XIV. 7. 5). Греческие авторы также обычно отмечают избрание консулярных трибунов «вместо» или «наподобие» консулов: ἀντὶ τῶν ὑπάτων (Dionys. XI. 60. 5; Diod. XII. 32. 1; 38. 1; 53. 1; 58. 1; 60. 1; 80. 1 и др.; Dio Cass. XL. 45. 4; Zonar. VII. 19). Ливий употребляет и словосочетание *proconsularis imago* (V. 2. 9), т.е. подобие, образ, тень консулов. *Proconsularis* (проконсульский) в этом случае у него означает опять-таки «наподобие консульского». Тот же смысл встречается у Дионисия в выражении ἀνθυπατος ἀρχή (XI. 62. 1).

В ряде случаев источники, фиксируя название интересующей нас должности, сообщают (и это принципиально), что консулярные военные трибуны обладали империем. При этом латинские авторы непосредственно употребляют понятие *tribuni militum consulari imperio* – военные трибуны с консульским империем. Наличие у консулярных трибунов империя отмечает Тит Ливий⁹, указания на него содержатся также в речи императора Клавдия в сенате¹⁰ и у Авла Геллия¹¹.

Таким образом, античная традиция доносит до нас представление о том, что консулярные военные трибуны имели и консульскую *potestas*, и консульский *imperium*. Два этих важнейших понятия, которыми обозначалась компетенция магистратов, отра-

⁴ Tac. Ann. I. 1: neque tribunorum militum consulare ius diu valuit («и не слишком долго имела силу консульская власть военных трибунов»).

⁵ Хотя у греческих писателей чаще всего отмечался только военный статус *tribuni militum* как командующих тысячами воинов, без учета их политической роли: консулярный военный трибунал они обычно обозначали понятием χιλιάρχια (Plut. Cam. 37; Dionys. XI. 61. 3), носителя данной должности термином χιλιάρχος (Diod. XII. 32. 1 и др.; App. Celt. III. 3; Plut. Cam. 33; Dionys. XI. 56. 3; Dio Cass. XL. 45; Zon. VII. 19), а ее исполнение глаголом χιλιάρχεω (Diod. XXIX. 1; Plut. Cam. 2). Вероятно, это делалось для краткости, поскольку и латинские авторы нередко применяли усеченные формы названия должности. Так, Ливий очень часто, говоря о консулярных трибунах, называет их просто *tribuni militum* (употребляя также форму *tribuni militares*), два с половиной десятка раз он ограничивается вообще одним словом *tribuni*. В консульских фастах используется сокращение названия должности в виде «tr. mil.».

⁶ Dionys. XI. 60. 5: ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους ἀποδειχθῆναι, τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν, ἐξουσίαν ἔχοντας ὑπατικὴν («вместо консулов выбирать военных трибунов, имеющих власть консулов, – троих из патрициев, троих из плебеев»).

⁷ Diod. XIV. 12. 1: ἐν Ῥώμῃ δὲ τὴν ὑπατικὴν ἀρχὴν διεδέξαντο χιλιάρχοι τέσσαρες («в Риме консульскую власть разделили четверо избранных военных трибунов»).

⁸ Plut. Cam. I. 2: ἐκ διαφοράς τοῦ δήμου πρὸς τὴν σύγκλητον ὑπάτους μὲν ἐρίσαντος μὴ ἀποδείκνυσθαι, χιλιάρχους δὲ χειροτονοῦντος ἐπὶ τὴν ἡγεμονίαν, ὧν καί περ ἀπ' ἐξουσίας καὶ δυνάμεως ὑπατικῆς ἀπαντα πρᾶττοντων ἦσαν ἢ ἐπαχθῆς ἢ ἀρχὴ διὰ τὸ πλῆθος («В споре народа с сенатом спорящий народ, чтобы не избирать консулов, утверждал голосованием на высшее руководство военных трибунов; хотя власть и могущество во всем они имели консульские, менее тягостной была эта власть вследствие их многочисленности»).

⁹ Liv. IV. 7. 2: et imperio et insignibus consularibus usos («с наделением и империем, и insignиями консулов»).

¹⁰ ILS 212: quid commemorem in pluris distributum consulare imperium tribunosque militum consulari imperio appellatos, qui seni et saepe octoni crearentur? («Напоминать ли о консульском империи, разделенном между многими, и о провозглашенных военных трибунах с консульским империем, избравшихся в количестве шесть, а часто и восемь?»).

¹¹ Gell. XVII. 21. 19: tribunis militum consulari imperio rem publicam Romae regentibus («когда Римской республикой управляли военные трибуны с консульским империем»...).

жают специфику римской исполнительной власти, определяют должностных лиц как носителей делегированного государственного суверенитета. При этом, как отмечал еще В.В. Ефимов, «potestas есть полномочия действовать от имени народа, а imperium есть начальствующая власть над cives, над самими гражданами»¹². Подвергнув эти категории детальному изучению, Й. Бляйкен сделал вывод, что potestas – это абстрактное понятие для обозначения власти должностных лиц и системы должностных отношений¹³. Имелась potestas par (идентичная римской коллегиальности), potestas maior и minor (соответствовавшие должностной иерархии) и potestas определенных магистратов. Й. Бляйкен подчеркивал также, что potestas в государственной компетенции отражала прежде всего способность магистратов принимать имеющие законную силу акты и в этом значении употреблялась как в абстрактном смысле, так и для обозначения конкретного действия¹⁴. А. Демандт замечал, что «понятие potestas включало в себя также необходимые средства, в которых должностное лицо нуждалось для проведения своих решений»¹⁵.

Империй как право приказа, как высшая военная и гражданская власть, как право распорядиться жизнью сограждан неоднократно исследовался в специальной литературе¹⁶. В недавней статье И.Л. Маяк была отмечена эволюция содержания этого полисемантического термина¹⁷. Мы также обращались к анализу данного понятия применительно к экстраординарным магистратам¹⁸. Сейчас отметим лишь, что, на наш взгляд, империй распространялся на все сферы общественной жизни, был неотделим от права публичных ауспиций и являлся производным от государственного верховенства patres. Мы отказываемся понимать империй только как военную власть в противоположность гражданско-административной, рассматривать его применение в сферах domi и militiae как жестко связанное с померием, а роль империя в республиканском устройстве считать самодовлеющей и преобладающей.

Итак, если исходить из обозначения должности античными авторами, следует признать консулярных военных трибунов магистратами cum imperio, к тому же империй уподобляется в их титуле консульскому. Однако на вопросы о том, являлись ли консулярные военные трибуны носителями империя и можно ли вообще применять к их власти определение «консульская», в историографии давались диаметрально противоположные ответы.

Ряд исследователей полагают, что уточнение consulari potestate в названии должности было неисторическим, т.е. не существовало в реальной государственной практике Ранней Республики. К такому заключению они приходят двумя различными путями исходя из одной посылки: должность с названием «консул» отсутствовала в римском государственном устройстве в течение всего V в. до н.э. При этом одни историки, такие, как К.Ю. Белох, К. Ханель, Р. Палмер, считали, что понятие consul было в это

¹² Ефимов В.В. Лекции по истории римского права. СПб., 1898. С. 165.

¹³ Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: auspicium – potestas – imperium. Göttingen, 1981. S. 266, 295.

¹⁴ Ibid. S. 278.

¹⁵ Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. B., 1995. S. 402.

¹⁶ См., например: Vogel K.-H. Imperium und Fasces // ZSS. 1950. 67. S. 62–111; Giovannini A. Consulare imperium // Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. Ht 16. Basel, 1983. S. 1–30; Linke B. Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995. S. 144–149.

¹⁷ Маяк И.Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 8–27.

¹⁸ Дементьева В.В. Диктаторы optima lege и imminuto iure в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.) // Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима. Ярославль, 1993. С. 10–25; она же. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 30; 56–57, 69–71, 83–85, 91–92; Дементьева В.В., Трухина Н.Н. Взаимоотношения диктатора и начальника конницы в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2. Магнитогорск, 1995. С. 107–114; Дементьева В.В. Римское республиканское междоусобие как политический институт. М., 1998. С. 13–14, 57–64, 84–93.

время определением и прилагалось как к магистратуре претора, так и (в 444–367 гг.) к военным трибунам, получившим высшую исполнительную власть, которые могли называться сокращенно просто консулы¹⁹. Отрицая историческую корректность обозначения этой магистратуры как *tribuni militum consulari potestate*, К.Ю. Белох отмечал, что анналисты не имели надежной информации относительно ее названия, а К. Ханель подчеркивал, что историки не располагают для этого никаким независимым свидетельством вроде надписи. Р. Палмер полагал, что данный вариант названия должности был создан позднее из-за желания избежать путаницы с собственно консульской магистратурой, учрежденной в 366 г. до н.э.

Другие авторы, также отрицавшие историчность названия *tribuni militum consulari potestate*, настаивали не только на отсутствии в V в. до н.э. должности консула, но и вообще такого понятия в римской политической практике. Так, Р. Сили утверждал, что современники консулярных трибунов, поскольку термина «консулы» они еще не знали, называли их просто *tribuni militum*. Вопрос о том, когда же в таком случае римская традиция стала добавлять к их титулу уточнение *consulari potestate*, он оставал открытым²⁰.

В историографии 90-х гг. XX в. близкой трактовки придерживаются Д. Зольберг, Д. Флах и Р. Бунзе²¹. Их точки зрения базируются опять-таки на том, что к 444 г. консульской магистратуры не существовало. При этом данные авторы, не признающие историчности названия *tribuni militum consulari potestate*, по-разному представляют себе процесс формирования высшей исполнительной власти в Риме.

Так, Д. Зольберг утверждает, что после изгнания царей во главе римского государства стояли три начальника гентильных триб (просто *tribuni*), которые были одновременно командующими (*praetores*) набравшихся от этих триб тысяч воинов. В таком виде эта первая республиканская магистратура функционировала до 367 г. до н.э. и никакого консульского трибуната, в соответствии с его точкой зрения, не было. Такой взгляд идет вразрез с данными античной традиции, и в условиях отказа современного антиковедения от гиперкритического подхода к ней, не поддерживается нами. К тому же, как убедительно показал в своей монографии В.Н. Токмаков, гентильные трибы не могли быть базой комплектования пешего войска²².

Р. Бунзе настаивает на ошибочности всех упоминаний в источниках консульской магистратуры для времени ранее законов Лициния – Секстия, не признавая никакую титулатуру военных трибунов, в которой содержатся слова о консульской власти²³. Возрождая отчасти гипотезу Г. Де Санктиса²⁴ и находя в роли коллегийных (но неравноправных) носителей империя до 367 г. до н.э. только *praetor maximus* и двух *praetores minores*, Р. Бунзе с недоверием относится к любым названиям коллегий высших должностных лиц, сохраненным античной традицией, за исключением претуры.

Д. Флах, в свою очередь, полагает, что добавление *consulari potestate* к названию должности военных трибунов было создано античной историографией много позже времени существования магистратуры. Он не отрицает, что таковая действительно функционировала в 444–367 гг. до н.э., но отказывается признать эти годы временем существования также и консулата. Отстаивая концепцию о первоначально единоличной республиканской магистратуре в лице годовичного *magister populi*, которую сменил

¹⁹ Beloch K.J. *Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege*. B. – Lpz, 1926. S. 263; Hanell K. *Das altrömische eponyme Amt*. Lund, 1946. S. 199; Palmer R. *The Archaic Community of the Romans*. Camb., 1970. P. 234.

²⁰ Sealey R. *Consular Tribunes Once More* // *Latomus*. 1959. 18. P. 528–530.

²¹ Sohlberg D. *Militärtribunen und verwandte Probleme der frühen römischen Republik* // *Historia*. 1991. XI. S. 257–274; Flach D. *Die Gesetze der frühen römischen Republik*. Darmstadt, 1994. S. 11–18; Bunse R. *Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der «Konsulartribunen»* (Bochumer Altertumswissenschaftliches Colloquium. Bd 31). Trier, 1998. S. 90–99.

²² Токмаков В.Н. *Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н.э.)*. М., 1998. С. 55–57.

²³ Bunse. *Op. cit.* S. 90–99.

²⁴ De Sanctis G. *Storia dei Romani*. V. II. Firenze, 1967. P. 407.

военный трибунал, Д. Флах считает, что консулы впервые появились только в 366 г. Титулатура же военных трибунов была почерпнута авторами исторических сочинений, по его определению, из «туманных источников»²⁵.

В отечественной историографии внимание этому вопросу уделил С.И. Ковалев, который признавал историчность титула *tribuni militum consulari potestate*, однако не усматривал в нем указаний на собственно консульскую власть. Исходя из представления, что в 444 г. до н.э. высшие ординарные магистраты назывались не консулами, а преторами, он настаивал на переводе «военные трибуны с консульской властью», имея в виду коллегиальную вообще, а отнюдь не именно консульскую власть²⁶. Конечно, прилагательное *consularis*, как и существительное *consul* этимологически связаны с глаголом *consulere* – «совещаться» и подчеркивают тем самым коллегиальность как сущностную черту консульской должности. Однако если принять точку зрения ряда античных авторов (Cass. Dio ap. Zonar. VII. 19), что первоначальная претора была преобразована в консулат после децемвирата и второй сецессии плебеев²⁷, то естественно признать существование в 444 г. до н.э. (на момент введения в римскую конституционную практику консульского трибуната) консулата как высшей ординарной магистратуры и, соответственно, консульской власти. Такой подход позволяет отказаться от гиперкритики античной традиции, максимально учесть ее данные и не отрицать историчность названия должности военных трибунов с консульской властью. Вместе с тем, это не снимает ни вопроса о специфике их *potestas*, ни вопроса о наличии или отсутствии у них империя.

Б. Нибуру, положившему начало многим проблемам изучения римской государственности в их современной постановке, сущность магистратуры консульских военных трибунов представлялась весьма затемненной²⁸, и, сделав важные сопоставления ее с консулатом, четких формулировок по поводу наделения этих должностных лиц империей он не дал. Только о консульской *potestas* применительно к ним писал А. Шwegлер, опуская вопрос об империи²⁹. Совершенно определенно в пользу наличия империя у военных трибунов с консульской властью высказался Т. Моммзен³⁰. Из его современников на близких ему позициях, но не вдаваясь в детальное рассмотрение вопроса, стояли Э. Херцог и П. Виллемс³¹. Некоторым своеобразием отличалась трактовка Л. Ланге. В статье, посвященной консульским трибунам, он в принципе относил этих магистратов к числу обладавших империей (понимая при этом *imperium* прежде всего как военную власть)³², но в своей обобщающей работе «Римские древности» признавал полный империй только за патрицианскими консульскими трибунами, а за плебейскими членами коллегии – лишь уменьшенный империй³³. Оригинальный подход к решению проблемы предложил О. Лоренц – автор самой первой специальной статьи о консульском трибунате³⁴. Он наметил эволюцию должностной власти *tribuni militum consulari potestate*, полагая, что первоначально они имели не более чем военный империй, т.е. гражданская *potestas* у них поначалу отсутствовала. Новая стадия в

²⁵ Flach. Op. cit. S. 17. О точке зрения Д. Флаха см. подробнее: Дементьева В.В. Рец. на кн.: Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Lahr. Darmstadt, 1994 // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 215–220.

²⁶ Ковалев С.И. История Рима. Курс лекций. 2-е изд. Л., 1986. С. 89.

²⁷ См. Томаков В.Н. Некоторые аспекты генезиса консульской власти в конституции Рима Ранней Республики // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 34.

²⁸ Niebuhr B. Vorträge über römische Geschichte. B., 1846. Abt. 1. Bd 1. S. 331.

²⁹ Schwegler A. Römische Geschichte. Bd 3. Tübingen, 1858. S. 110.

³⁰ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd 2. Lpz, 1874. S. 172.

³¹ Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd 1. Lpz, 1884. S. 738; Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1890. С. 300.

³² Lange L. Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen (1855) // Lange L. Kleine Schriften aus dem Gebiet der classischen Alterthumswissenschaft. Bd I. Göttingen, 1887. S. 242.

³³ Lange L. Römische Alterthümer. Bd I. B., 1876. S. 656.

³⁴ Lorenz O. Über das Consulartribunat. Besonderer Abdruck. Wien, 1855.

развитии магистратуры началась, на его взгляд, в 426 г. до н.э., когда консулярные трибуны стали осуществлять гражданские функции. Таким образом, по О. Лоренцу получалось, что компетенция данных магистратов, постепенно расширяясь, достигла полной консульской. Возражая против такой интерпретации их полномочий, Л. Ланге подчеркивал, что должностное лицо не могло иметь *imperium* без *potestas*³⁵, поскольку *potestas* – предпосылка империя, ею магистрат наделялся при избрании на центуриатных комициях, а империем – на куриатных, после принятия особого закона по этому поводу³⁶. Добавим к этому, что понимание империя как сугубо военных полномочий, свойственное и О. Лоренцу, и Л. Ланге, мы считаем устаревшим.

В историографии XX в. поставленная проблема затрагивалась далеко не во всех посвященных консулярному трибунату специальных статьях. Обошли ее стороной, например, такие авторы, как Ф. Мюнцер³⁷, Дж. Пинсент³⁸, А. Драммонд³⁹. В общих работах исследователи предпочитали ограничиваться констатацией наличия у военных трибунов консульской компетенции, не уточняя, что именно имеется в виду, но, судя по всему, подразумевая *potestas*⁴⁰. В российских учебниках начала XX в. по истории римского права эти должностные лица причислялись к магистратам *cum imperio*⁴¹. Некоторые антиковеды, непосредственно анализировавшие магистратуру военных трибунов с консульской властью (Ф. Эдкок, В. Кирби), не акцентировали внимание на вопросе об обладании империем, однако, вероятнее всего, как следует из общего контекста их статей, отвечали на него положительно⁴². Такое же впечатление складывается при чтении соответствующего раздела книги Э. Ференци⁴³. Неизбежно должны были признавать наличие империя у консулярных трибунов (делая это чаще всего косвенно) сторонники теории о военном характере причин возникновения данной магистратуры⁴⁴, поскольку суть их представлений сводилась к увеличению потребностей римской общины в держателях империя для военных нужд. Наконец, прямо указывали на наделение консулярных трибунов империем авторы обобщающих трудов Г. Зибер⁴⁵, Г. Де Санктис⁴⁶ и Ф. Де Мартино⁴⁷, а также исследователи частных вопросов, имеющих непосредственное отношение к теме – А. Бернарди⁴⁸, С. Стэвели⁴⁹ и Р. Ридли⁵⁰.

Отрицательный и однозначный в своей определенности ответ на вопрос о том, были

³⁵ Lange. Über Zahl und Amtsgewalt... S. 255.

³⁶ Lange. Römische Alterthümer... S. 655.

³⁷ Münzer F. Consulartribunen und Censoren // Hermes. 1922. 57. S. 134–149.

³⁸ Pinsent J. Military Tribunes and Plebeian Consuls: The Fasti From 444 V to 342 V // Historia. 1975. 24. P. 29–61.

³⁹ Drummond A. Consular Tribunes in Livy and Diodorus // Athenaeum. 1980. 58. P. 58–72.

⁴⁰ См., например: Beloch. Op. cit. S. 247; Heurgon J. The Rise of the Rome to 264 B.C. L., 1973. P. 173–174; Capozza M. Roma fra monarchia e Decemvirato nell'interpretazione di Eutropio. Roma, 1973. P. 15–16.

⁴¹ Боголенов Н. Учебник истории римского права. М., 1907. С. 106; Колотинский Н.Д. История римского права. Казань, 1912. С. 72.

⁴² Adcock F.E. Consular Tribunes and Successors // JRS. 1957. 47. P. 9–14; Kirby V. The Consular Tribunate and the Roman Oligarchy // Mundus antiquus. V. 1. Melbourne, 1976. P. 24–29.

⁴³ Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 35.

⁴⁴ Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893. С. 195; Kornemann E. Zur altitalische Verfassungsgeschichte // Klio. 1915. 14. S. 203; Soltau W. Zur römischen Verfassungsgeschichte // Philologus. 1916. XXVIII. S. 524–529; Altheim F. Römische Geschichte. Frankfurt a. M. – Wiesbaden, 1951. S. 330; idem. Epochen der römischen Geschichte. Frankfurt a. M., 1934. S. 152; Cornelius F. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940. S. 59; Hanell. Op. cit. S. 34; 199; Dulckeit G. Römische Rechtsgeschichte. München – Berlin, 1952. S. 28–29; Meyer Er. Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich – Stuttgart, 1961. S. 70–71; Täubler E. Der römische Staat. Stuttgart, 1985. S. 24.

⁴⁵ Siber H. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lehr, 1952. S. 77.

⁴⁶ De Sanctis. Op. cit. P. 54–56.

⁴⁷ De Martino F. Intorno all' origine della repubblica romana e delle magistrature // ANRW. I. 1. B. – N.Y., 1972. P. 248.

⁴⁸ Bernardi A. Dagli ausiliari del rex ai magistrati della res publica // Athenaeum. 1952. XXX. P. 39–40.

⁴⁹ Staveley E.S. The Significance of the Consular Tribunate // JRS. 1953. 43. P. 30–36.

⁵⁰ Ridley R.T. The «Consular Tribunate». The Testimony of Livy // Klio. 1986. 68. P. 457.

ли консулярные трибуны держателями империя, давал Р. Сили⁵¹, который утверждал, что их должность вообще не была высшей магистратурой. Отчасти сходным с такой трактовкой можно считать мнение Э. Боддингтон⁵², которая на выделяемом ею первом этапе существования должности консулярных трибунов, до начала IV в. до н.э., рассматривала этих магистратов как дополнительных коллег консулов, сражавшихся под auspiciis последних, т.е. не имевших собственного империя. Затем – на ее взгляд, после 390 г. – военные трибуны с консульской властью стали не дополнением, а альтернативой консулам и, следовательно, превратились в магистратов, облеченных империем. Таким образом, если О. Лоренц понимал развитие магистратуры консулярных трибунов по линии от держателей только военного империя к носителям всей полноты консульских полномочий, то Э. Боддингтон – от должностной власти «младших коллег» консулов до самостоятельного обладания высшим империем. Другие же историки, как мы видели, не усматривают эволюции полномочий эти магистратов, считая их неизменными на всем протяжении политической жизни магистратуры, но по-разному и часто противоречиво толкуя их содержание.

Отмеченная разногласия мнений, существующая в мировой историографии проблемы, заставляет нас еще раз обратиться к данному вопросу, чтобы при построении собственной исторической модели консулярного трибуната определиться с такой принципиально важной характеристикой, как *imperium*, а также составить представление о *potestas* изучаемых магистратов. С этой целью проанализируем сообщения источников о конкретной реализации властных функций консулярными военными трибунами.

Совершенно очевидно, что *tribuni militum consulari potestate* обладали полномочиями верховных командующих римским войском. Только в этом ранге они могли руководить боевыми действиями, а о такой их роли многократно сообщает Ливий (Liv. IV. 31. 1; 46. 1; 49. 8; 59. 1; 61. 5–6; V. 8. 1–2; 10. 1–2; 18. 7; 32. 2; VI. 4. 8; 22. 1; 30.3 и др.). Только в этом статусе они могли осуществлять набор, чем на практике часто занимались (Liv. V. 10. 4; 16. 5; 37. 3; VI. 31. 5 и др.). В 403 г. до н.э. плебейские трибуны даже обвиняли консулярных военных трибунов в невиданном самовластии: «И ни цари, ни... консулы, ни суровый диктаторский империй, ни беспощадные децемвиры не вводили такого рабства, как непрекращающаяся военная служба, которую военные трибуны применяют при господстве над римским народом»⁵³. В 397 г. до н.э., наоборот, консулярные трибуны не объявляли принудительного набора, а, как отмечает Ливий, вербовали отряды добровольцев⁵⁴. В любом случае, право комплектовать войска, как и право командовать ими, принадлежало только магистратам с империем. Мнение Р. Бунзе, что в раннее время осуществлять высшее командование могли не только носители империя, но и частные лица, выступавшие в роли военных вождей⁵⁵, представляется нам бездоказательным. Таким образом, по нашему мнению, характер участия военных трибунов с консульской властью в подготовке и проведении военных операций, несомненно, указывает на наличие у них высшей власти в сфере *militiae*. Затруднения же в историографии по поводу трактовки их военных полномочий связаны с последствиями завершения военных действий, – а именно, с их правом на триумф, которое входило составной частью в *imperium militum*.

Дело в том, что византийский историк Иоанн Зонара, пользующийся у современных своих коллег репутацией добросовестно опиравшегося на первоисточники, свидетельствует: «Говорят, что ни один из военных трибунов, хотя многие из них часто

⁵¹ Sealey. Op. cit. P. 529.

⁵² Bodding A. The Original Nature of the Consular Tribunate // Historia. 1959. 8. P. 358–361.

⁵³ Liv. V. 2. 8: hoc neque reges neque... consules neque triste dictatoris imperium neque importunos decemviros iniunxisse servitutis, ut perennem militiam facerent [quod tribuni militum in plebe Romana regnum exercerent].

⁵⁴ Liv. V. 16. 5: A Postumius et L. Iulius, non iusto dilectu (etenim ab tribunis plebis impediabantur), sed prope voluntariorum quos adhortando incitauerant coacta manu («А. Постумий и Л. Юлий, не проведя надлежащего набора, – впрочем, плебейские трибуны им мешали, – но набрав, побуждая увещеваниями, отряд добровольцев»...).

⁵⁵ Bunse. Op. cit. S. 108.

побеждали, не праздновал триумф»⁵⁶. Сведения о периоде V–IV вв. до н.э. Зонара черпал в первую очередь из не дошедших до нас книг Диона Кассия, откуда (или из эпитом сочинения этого автора), вероятно, и взята приведенная цитата. Многие исследователи трактуют эту информацию в том смысле, что консулярные трибуны вообще не имели права на триумф; при этом некоторые просто констатируют без комментариев отсутствие у них такого права⁵⁷, другие связывают это отсутствие с ненаделением трибунов империем⁵⁸, третьи более осторожно отмечают, что право триумфа, должно быть, у них отсутствовало, но традиция об этом времени не такова, чтобы можно было обосновать какие-либо выводы⁵⁹. Р. Вернер писал, что поскольку проведение триумфа при многочисленности коллегии консулярных военных трибунов было затруднительным, «кажется, дело заключалось не в отсутствии права на триумф, а в обычной практике отказа от триумфа»⁶⁰.

Начиная с Б. Нибура в историографии имеется также представление, что *tribuni militum consulari potestate* были лишены права на триумф вследствие некурульного характера их магистратуры. Нибур подчеркивал, что полный триумф (не орация) был *triumphus curulis* (в изначальном смысле *curulis* – принадлежащий к колеснице): привилегия должностного лица быть доставленным в повозке в курию или сенат⁶¹. Это наводило его также на мысль, что ранг консулярных военных трибунов был не выше ранга начальника конницы (*magister equitum* при диктаторе). Подобный взгляд присутствует и у А. Шwegлера, который, развивая положение о тождестве ранга консулярного трибуна статусу *magister equitum*, приводил в доказательство неоднократные назначения, при введении диктатуры, консулярных трибунов начальниками конницы (*Liv. IV. 31. 5; 46. 11; 57. 6; VI. 11. 10*)⁶². Моммзен, хотя и полагал, что консулярному трибуну не подходит никакой ранг вообще, в том числе трудно соотносить с его статусом категории курульности-некурульности, все же усматривал отличия в положении консулярных трибунов и курульных магистратов⁶³. Но главную причину, мешавшую их триумфу, он видел в том, что они были не собственно магистратами, а промагистратами⁶⁴. Обладая проконсульскими полномочиями, они наделялись империем, но, на его взгляд, не могли претендовать на триумфальное шествие, поскольку ни один человек, по сообщению Ливия, не занимая магистратуры, не получал триумфа⁶⁵. Эта идея Моммзена в новейшей историографии была развита Х. Верселем, который сделал вывод о конституционном барьере для триумфа консулярных трибунов, заключавшемся не в том, что они не имели империя, а в том, что подобно *privatus cum imperio* или *pro consule* право триумфа не распространялось на их должность⁶⁶.

Итак, мы имеем утверждения Зонары о том, что военные трибуны с консульской властью не праздновали триумфа, отсутствие упоминаний о проведении такового кем-либо из них в труде Ливия, а также невозможность подтвердить проведение ими триумфов на основе *Acta triumphalia*⁶⁷. Достаточно ли этого, чтобы отрицать право консулярных трибунов на триумф? Можем ли мы согласиться с гипотезой Моммзена о

⁵⁶ Zonar. VII. 19: λέγεται δὲ ὅτι οὐδεὶς τῶν χιλιάρχων, καίτοι πολλῶν πολλὰκις νικησάντων, ἐπιπικία ἔπεμψεν.

⁵⁷ Lengle. *Tribunus militum consulari potestate* // RE. II Reihe. Bd VI. Hlbd 12. Sp. 2452; Heurgon. Op. cit. P. 173; Токиаков В.Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 1. С. 47.

⁵⁸ Sealey. Op. cit. P. 529.

⁵⁹ Beloch. Op. cit. S. 248.

⁶⁰ Werner R. *Der Beginn der Römischen Republik*. München – Wien, 1963. S. 284.

⁶¹ Niebuhr. Op. cit. S. 570; *idem*. *Vorträge über römische Geschichte*... S. 332.

⁶² Schwegler. Op. cit. S. 110–111.

⁶³ Mommsen. Op. cit. S. 174.

⁶⁴ *Ibid*. S. 173.

⁶⁵ Liv. XXVIII. 38.4: quia neminem ad eam diem triumphasse qui sine magistratu res gessisset constabat.

⁶⁶ Versnel H.S. *Triumphus* (An Inquiry into the Origin. Development and Meaning of the Roman Triumph). Leiden, 1970. P. 186–187.

⁶⁷ См. Mommsen. Op. cit. S. 173; Ridley. Op. cit. P. 456.

промагистратуре консулярных трибунов или с отождествлением их правового положения с *privatus cum imperio*, сделанным Х. Верснелем? При всем уважении к теоретическим построениям Моммзена в данном случае мы не разделяем идущей от него трактовки. Ибо промагистратура есть не что иное, как продление полномочий должностного лица на основе процедуры *prorogatio* империя. Как убедительно показала в своей диссертации Т.В. Кудрявцева, промагистратуры в Риме возникают в последней трети IV в. до н.э.⁶⁸, т.е. три десятилетия спустя после ликвидации консулярного трибуната. Первый случай получения статуса проконсула отмечен Ливием для 328 г. до н.э. (VIII. 23. 12), когда народу было предложено вынести решение об этом, т.е. продлить полномочия на основе закона⁶⁹. В постоянную практику пророгация империя войдет лишь со времени второй Пунической войны⁷⁰. Когда же Ливий говорит о консулярных трибунах, используя прилагательное *proconsularis* или выражение *tribuni militum pro consulibus*, речь не идет о пролонгации полномочий бывших консулов на основе голосования комиций (или хотя бы сенатского решения). Эти понятия используются им лишь в том смысле, что военные трибуны заменяют консулов, действуют вместо них. Обратим внимание также на то, что промагистраты имели власть всегда за пределами Рима, сначала в войске на территории Италии, затем – в провинциях. Консулярные же трибуны избирались в качестве верховных должностных лиц собственно римской общины, руководителей гражданского коллектива, решая в том числе и проблемы межсословных конфликтов. Принципиально важным различием является и то, что консулярные трибуны осуществляли исполнительную власть в отсутствие других высших магистратов с империем, тогда как проконсулы с пророгированным империем никогда не избирались как единственные высшие должностные лица. Пророгированный империй в римских представлениях не был полноценным с сакральной точки зрения, и если в живых оставался только носитель такого империя, то он не мог председательствовать в избирательных комициях, что неизбежно приводило к междуцарствию⁷¹. А военные трибуны с консульской властью сами руководили выборами своих преемников.

Таким образом, мы не поддерживаем точку зрения Т. Моммзена о том, что непроведение консулярными трибунами триумфов связано с тем, что они занимали не магистратуру, а промагистратуру. Мы отрицаем существование в V – первой половине IV в. до н.э. политико-правового механизма пророгации империя, а следовательно, и промагистратуры в конституционном смысле этого слова. Моммзену вообще было свойственно иногда не выделять государственного своеобразия Ранней Республики (ср. теорию консулата как изначальной республиканской магистратуры и т.п.), характеризуя ее через понятия и структуры классического времени. На наш взгляд, это проявилось и в данном случае. Что же касается развития его теории Х. Верснелем, уподобившим консулярных трибунов частному лицу с империем (т.е. даже не консулу предыдущего года с пролонгированными полномочиями), то, опять-таки, для первых двух веков Республики это явление не известно. Впервые, как подчеркивает Т.Н. Кудрявцева⁷², проконсульский империй был предоставлен человеку, который не был консулом предыдущего года, в 215 до н.э. Это произошло, когда империем был

⁶⁸ Кудрявцева Т.В. Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме. Дис... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 27–32.

⁶⁹ Случай 464 г. до н.э. (*Liv.* III. 4. 10), который иногда интерпретируется как первое вручение проконсульских полномочий, таковым считать нельзя, поскольку Титу Квинкцию не пророгировали империй, а поручили, пока консул Авл Постумий проводил набор в Риме, руководить действиями войск союзников – латинов и герников, что в принципе мог осуществлять и обычный военный трибун как командир подразделения фаланги. На театре военных действий находился один из консулов, Спурий Фурий, поэтому наделить империем Квинкция потребности не было.

⁷⁰ Kloft H. Prorogation und außerordentliche Imperium 326–81 v. Chr. (*Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik*). Hein, 1977. S. 28; Дементьева. Магистратура диктатора... С. 75–76.

⁷¹ Дементьева. Римское республиканское междуцарствие... С. 50–51.

⁷² Кудрявцева. Ук. соч. С. 30–31.

наделен Марк Клавдий Марцелл, консул 222 г. до н.э. (Liv. XXIII. 30. 19). В полном смысле частное лицо (т.е. человек, никогда ранее не исполнявший магистратуру с империем) стало *privatus cum imperio* в 211 г. до н.э. – это был Публий Корнелий Сципион. Вероятнее всего, наделение империем частного лица было вызвано критическими обстоятельствами, оно «не вошло в повседневную практику и после второй Пунической войны использовалось крайне редко»⁷³.

Итак, не считая должность *tribuni militum consulari potestate* промагистратурой, мы полагаем, что она была магистратурой, но магистратурой чрезвычайной. В работах, освещающих конституционное устройство Ранней Республики, изданных как в XIX, так и в XX в., не часто, но все же встречается причисление военных трибунов с консульской властью к экстраординарным должностям⁷⁴, хотя и без аргументации этого утверждения. Наши доказательства такого вывода приведены в отдельной статье⁷⁵. Консулярный трибунат вводился, на наш взгляд, *pro consulibus* как экстраординарная магистратура вместо ординарной, как вместо консулата вводилась диктатура. Но признав военных трибунов с консульской властью магистратами, а не промагистратами, мы должны в поисках ответа на вопрос о их праве на триумф вернуться к теории Б. Нибура и А. Шwegлера о некурульном характере этой магистратуры как причине отсутствия данного права.

Хорошо известно, что наделение империем не было необходимым условием для отнесения магистрата к числу курульных. Цензоры и курульные эдилы принадлежали к числу магистратов *sine imperio*, но они обладали привилегиями курульных должностных лиц. С другой стороны, наличие империя было условием, достаточным для курульных почестей. Поскольку мы еще только обосновываем наличие империя у *tribuni militum consulari potestate*, то пока не будем на это положение опираться. (Тем более, что Б. Нибур и А. Шwegлер не характеризовали полномочия консулярных трибунов посредством понятия *imperium*, и для них это был бы не аргумент.) Зададимся в данный момент вопросом о том, какие почести следует считать курульными. По мнению Т. Моммзена, к почетным правам, вытекавшим из занятия курульных должностей, следует относить возможность для данного лица после сложения магистратских полномочий не только голосовать, но и участвовать в дебатах в сенате, носить тогу с пурпурной каймой по торжественным дням и быть похороненным, облаченным в нее, а для его потомков – право выставлять портрет предка в своем фамильном зале⁷⁶. При этом Моммзен не признавал таких почестей за консулярными трибунами, поскольку ни один из них по сложении должности не назывался *consularis*. Однако, во-первых, не вполне ясно, насколько этот перечень почестей связан с должностной карьерой, а насколько – с сословными привилегиями (например, участие в дебатах – право патрицианских сенаторов или же тех, кто занимал ранее курульные должности), ибо историки не могут даже определенно ответить на вопрос, какими терминами обозначались в сенате бывшие курульные и некурульные магистраты. По одному из сообщений Авла Геллия (III. 18. 3–4), которое он приводит со ссылкой на грамматика I в. до н.э. Гавия Басса, бывшие некурульные магистраты в сенате назывались *pedarii*,

⁷³ Там же. С. 32.

⁷⁴ См., например: *Mommsen*. Op. cit. S. 169; *Lange*. Römische Alterthümer... S. 195; *Целлер*. Ук. соч. С. 193; *Виллемс*. Ук. соч. С. 300; *Санчурский Н.В.* Римские древности. М., 1995. С. 71; *Siber*. Op. cit. S. 77; *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953. P. 743; *Guarino A.* Storia del diritto romano. 8 ed. Napoli, 1990. P. 112.

⁷⁵ Подтверждают неординарный характер магистратуры консулярных трибунов случаи функционирования в одном и том же административном году как ее самой, так и консулата, сохранение консульской должности в качестве ординарной даже при ежегодном использовании консулярного трибуната на сравнительно длительных хронологических отрезках, а также целевое назначение и конкретная деятельность магистратов. Подробную аргументацию вывода о чрезвычайном характере магистратуры консулярных трибунов см. *Дементьева В.В.* Характер магистратуры военных трибунов с консульской властью // Антиковедение и медиевистика. Вып. 1. Ярославль, 1999. С. 16–32.

⁷⁶ *Mommsen*. Op. cit. S. 174; *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 238–239.

поскольку в древности курульные магистраты ездили в сенат на колесницах, а некурульные приходили в него пешком⁷⁷ (впрочем, сам Геллий приводит и другие объяснения термину *pedarii* – «голосовавшие ногами» или приходившие в сенат всадники, еще не включенные туда цензорами)⁷⁸. Во-вторых, абсолютно не понятно, на каких основаниях Моммзен отрицал за консулярными трибунами названные привилегии. То, что ни к кому из бывших военных трибунов с консульской властью не применялось понятие *consularis* (с вытекавшими из этого почестями), ничего не доказывает, так как консуляр – это экс-консул, а консулярные трибуны занимали все же другую должность. Слова Зонары (VII. 19) об отказе им в почетном наименовании (а на них Т. Моммзен и ссылался) подразумевают, с одной стороны, недопущение плебеев к должности собственно консула, а с другой, – то, что их магистратура была иной, отличной от консулата, но не доказывают лишения каких-либо конкретных привилегий. То, что в источниках нигде не сформулированы в виде обобщенной нормы такие преимущества применительно к военным трибунам с консульской властью, тоже ни о чем не говорит. Однако в противовес отрицанию у консулярных трибунов перечисленных прав, имеется конкретное свидетельство Цицерона в речи в защиту Луция Лициния Мулены. В ней оратор, обращаясь к Сервию Сульпицию, замечает, что доказательства его знатности приходится разыскивать не в толках современников, а в пыли летописей, но он, Цицерон, в ней не сомневается (Mug. 16). Знатный предок знаменитого правоведа⁷⁹, отмеченный в анналах, – Сервий Сульпиций Руф, военный трибун с консульской властью 388, 384 и 383 гг., который иных магистратур с империем не занимал и почитание которого, в том числе и *ius imaginis*, было обусловлено именно этими его заслугами.

По всей видимости, при определении *magistratus curules* и *non-curules* точнее всего взять за критерий наличие у них *sella curulis*, курульного кресла, которое, собственно, и дало основание для этого эпитета: если следовать Авлу Геллию (III. 18.4; см. выше, прим. 77), курульными магистраты звались потому, что изначально курульным называлось кресло на колеснице – *currus*, на которой они ездили в сенат, а в соответствии с трактовкой Феста (P. 43 L), определение «курульные» магистраты получили от того, что ездили на колеснице⁸⁰. По наблюдениям Т. Шефера, посвятившего инсигниям магистратов специальную монографию, курульное кресло пришло на смену царскому трону (*solium*) не в начале Республики, как считал Моммзен, а еще в царский период. Оно было заимствовано у этрусков вместе с тогой-претекстой и фасками. С *sella curulis* у римлян были связаны представления о *bonum*, *auctoritas* и *imperium*⁸¹. Восседали ли консулярные военные трибуны на кресле из слоновой кости? Судя по всему, да. Тит Ливий (IV. 7.2) отмечает наличие у них наряду с империем и инсигний консульской власти: *et imperio et insignibus consularibus usos*⁸². И даже Моммзен, отрицавший почет-

⁷⁷ *Senatores enim dicit in ueterum aetate, qui curulem magistratum gessissent, curru solitos honoris gratia in curiam uehi, in quo curru sella esset, super quam considerent, quae ob eam causam «curulis» appellaretur; sed eos senatores, qui magistratum curulem nondum ceperant, pedibus itauisse in curiam; propterea senatores nondum maioribus honoribus «pedarios» nominatos* (Gell. III. 18.4).

⁷⁸ О наличии колесницы у первой сотни сенаторов сообщает также Иоанн Лид, анализ сведений которого был проведен Л.Л. Кофановым (Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. 1998. № 1 (3). С. 35–53).

⁷⁹ О том, что принадлежность Сервия Сульпиция Руфа, современника Цицерона, к нобилитету основывалась только на древнем консулярном трибунате IV в. до н.э., см. *Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik*. Stuttgart, 1983. S. 12–13.

⁸⁰ См. также Кофанов. Атрибуты власти... С. 45–46.

⁸¹ *Schäfer Th. Imperii insignia. Sella curulis und fasces. Zur Repräsentation römischer Magistrate*. Mainz, 1989. S. 26–27.

⁸² Полностью фраза выглядит так: *Sunt qui propter adiectum Aequorum Volscorumque bello et Ardeatium defectioni Veiens bellum, quia duo consules obire tot simul bella nequirent, tribunos militum tres creatos dicant, sine mentione promulgatae legis de consulibus creandis ex plebe, et imperio et insignibus consularibus usos* («Некоторые считают, что по причине присоединения к войне с эквами, вольсками и отложившимися ардеянами войны с Вейями, поскольку два консула не были в состоянии принять участие в стольких войнах, были избраны три

ные привилегии бывших консулярных трибунов (связанные, как он отмечал, с занятием курульных магистратур), вполне признавал, что непосредственное исполнение ими должности оформлялось знаками высших магистратов, в том числе и курульным креслом⁸³. отождествление статуса консулярных трибунов с рангом *magister equitum*, которое приводят Б. Нибур и А. Шwegлер для доказательства их некурульности, здесь не помогает, так как начальника конницы Цицерон (*Leg. III. 9*) по его положению приравнивал к претору, имевшему и *sella curulis*, и шесть ликторов с фасками. Итак, мы не видим оснований считать магистратуру консулярных трибунов некурульной и тем самым не можем поддержать гипотезу, именно этим и объясняющую отсутствие у них права на триумф.

Таким образом, мы не находим в историографии приемлемых объяснений отсутствию права консулярных трибунов на триумф. Обращаясь же к источникам, мы, в свою очередь, не находим, собственно, и указаний на отсутствие у них такого права. Зонара ведь сообщает только о том, что никто из них не праздновал триумф, но отнюдь не о том, что они в правовом отношении были в этом ограничены. Действительно, мы не располагаем фактами триумфального шествия кого-либо из трибунов и согласны с тем, что, видимо, таких случаев не было. Но это не значит, что на триумф у них был законодательный или как-то по-иному юридически оформленный запрет. Закрепившееся в историографии представление о правовом барьере для военных трибунов с консульской властью на проведение триумфа, на наш взгляд, есть не что иное, как одно из проявлений встречающейся в литературе подмены, когда логические построения историков начинают восприниматься непосредственно как информация источников, будучи на самом деле результатом ее субъективной трактовки. Данная ситуация сродни, например, той, что сложилась с устойчивым мнением о правовом запрете для первого интеррекса проводить консульские выборы: исследовательский стереотип интерпретации источников понимается как безусловные их показания.

По нашему мнению, причина непроведения триумфа консулярными трибунами заключается в том, что об одержанных ими серьезных победах, за которые полагалось бы такое признание заслуг, говорить не приходится, несмотря на упоминание об этом у Зонары (*VII. 19*). Мы утверждаем это, опираясь на подробный анализ руководства военными действиями со стороны консулярных трибунов, проделанный Р. Ридли, и на его вывод о том, что ни один военный трибун так и не добыл достойной победы⁸⁴. Действительно, в особо сложных внешнеполитических ситуациях, когда требовались решающие сражения, римляне прибегали к замене консулярных трибунов на диктатора, которому и доставались (или не доставались) лавры триумфатора. К тому же «поделить победу» и отдать предпочтение одному из коллег консулярным трибунам было так же трудно, как и «поделить командование» во время боевых действий (*Liv. IV. 31. 2; 46. 2*). Поэтому замечание Р. Вернера, что речь должна идти не об отсутствии права на триумф⁸⁵, мы признаем справедливым, но в отличие от него полагаем, что она должна идти не столько об их отказе от триумфа, сколько о недостаточности оснований для подобных торжеств.

Таким образом, мы не усматриваем аргументированных доказательств тезиса об «ущербности» военных полномочий консулярных трибунов в том, что касалось их права на триумфальный въезд в город. Тем самым мы утверждаем, что на сферу *militiae* у них распространялся вполне полноценный империй, реализуя который они ни разу не были удостоены триумфа в силу разнообразных объективных и субъективных обстоятельств, но не из-за правового запрета на него.

военных трибуна – без упоминания законодательного предложения об избрании консулов из плебеев, – наделенные империем и консульскими инсигниями»). В русском переводе Г.Ч. Гусейнова (*Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. I. М., 1989. С. 184*) империй и инсигнии отнесены в данной фразе к консулам из плебеев, мы же усматриваем иной смысл сказанного Ливием.

⁸³ *Mommsen. Op. cit. S. 172.*

⁸⁴ *Ridley. Op. cit. P. 457–460.*

⁸⁵ *Werner. Op. cit. S. 284.*

Обратимся теперь к сфере *domi*. Права, вытекавшие из империя в области гражданского управления, включали в себя руководство народными собраниями, обращение к сенату, издание эдиктов, отправление судебных функций (которые, впрочем, иногда рассматриваются исследователями как составная часть *imperium militiae*). О том, что даже при серьезном обострении внешнеполитической ситуации как минимум один из консулярных трибунов оставался в городе заботиться о внутренних делах Рима, свидетельствует Тит Ливий (*unus res Romanae curaret* – IV. 45.7). Хотя «заботой о городе они пренебрегали как делом неблагодарным и бесславным» и, судя по описанию событий 418 г. до н.э., предпочитали выступать в роли полководцев, доходя до ссоры при распределении обязанностей⁸⁶, они должны были если не на основе договоренности, то по жребию определить, кто будет заниматься гражданскими делами (Liv. IV. 45.8; VI. 30.3).

Об осуществлении консулярными трибунами права *ius agendi cum patribus et cum populo* свидетельствует внесение ими в комиции на основе сенатского постановления предложения о начале войны (Liv. IV. 58.8), а также созыв ими сената по собственной инициативе (Liv. IV. 36.3). Из этого же права вытекало руководство избирательными комициями при выборах высших магистратов, которое очевидным образом признается в литературе еще со времен Й. Рубино⁸⁷. По нашим подсчетам, не менее 30 раз консулярные трибуны должны были председательствовать при избрании такой же новой коллегии своих преемников. Так же как консулы, они руководили и выборами низших магистратов; в частности, Ливий (IV. 44. 1) сообщает о конфликте, разгоревшемся при избрании квесторов между военным трибуном Авлом Семпронием Атраатином, руководившим собранием, и плебейскими трибунами. Попутно заметим, что деятельность консулярных трибунов не была свободна от интерцессии со стороны плебейских заступников, что, на наш взгляд, не служит свидетельством в пользу ординарного характера их магистратуры (такому же воздействию был подвержен и экстраординарный интеррекс). Политические решения консулярных трибунов могли подвергнуться интерцессии со стороны их коллег или плебейских трибунов, так же как их мероприятия в гражданской сфере могли быть опротестованы путем обращения к народу. Но это не умаляет их империй, поскольку одновременно с ними других магистратов *cum imperio* не было.

Очень важным показателем наличия империя служит право консулярных трибунов провозглашать диктатора, которое они на практике осуществляли больше десятка раз: в диктаторском империи, кажется, еще никто из историков не сомневался, а объявлять его единоличного носителя мог (что также не вызывает сомнений) только магистрат с империем. О сакрально-правовых затруднениях, возникших, когда в первый раз консулярный трибун должен был провозгласить диктатора, мы скажем чуть ниже.

В исследовательской литературе при определении полномочий гражданского управления римской общиной со стороны *tribuni militum consulari potestate* нередко утверждалось, что они не имели права назначать вместо себя *praefectus urbi*⁸⁸. Однако нигде в источниках указаний на правовой запрет этого мы, разумеется, не встречаем. Другое дело, что нет и упоминаний о случаях такого назначения. Но совершенно очевидно, что при многочисленности коллегии этого и не требовалось. Ведь городского префекта обычно назначал консул, последним покидавший Рим⁸⁹, для того чтобы «город не остался без высшей власти» (*ne urbs sine imperio foret* – Tac. Ann. VI. 11). Когда же в должности находились консулярные трибуны, они без ущерба для командования войском могли выделить из своей среды одного для исполнения таких обязан-

⁸⁶ Liv. IV. 45.7: *certamen subito inter tribunos exortum; se quisque belli ducem potiorum ferre, curam urbis ut ingratam ignobilemque aspernari* («Неожиданно между трибунами возникла борьба: каждый считал, что он способен вести войну, а заботой о городе пренебрегал как делом неблагодарным и бесславным»).

⁸⁷ Rubino J. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839. S. 21.

⁸⁸ См.: например: Mommsen. Op. cit. S. 173; Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1894. С. 170.

⁸⁹ Нетушил. Ук. соч. С. 164.

ностей (Liv. IV. 59.1). Теми же причинами, на наш взгляд, следует объяснить и отсутствие случаев кооптации консулярными трибунами суффектов вместо погибших коллег (что тоже нередко понимается как следствие юридического запрета). Даже при трехчленной коллегии потребность в этом могла не возникнуть, а при шести или восьми консулярных трибунах ее вообще следует исключить. Таким образом, мы не находим реальных свидетельств «неполноценности» империя военных трибунов с консульской властью при осуществлении ими функций руководства мирными формами жизни *civitas*.

Как мы уже подчеркивали, в неразрывной связи с империем магистрата находилось его право на проведение общественных ауспиций, а точнее сказать, и то, и другое было двуединым оформлением высшей исполнительной власти в Римской республике. Поэтому рассмотрим, как обстояло дело с возможностью для *tribuni militum consulari potestate* общаться с богами от имени гражданского коллектива. Рассказывая о стремлении патрициев не допустить плебеев к консулату, Тит Ливий излагает патрицианскую мотивировку: никто из плебеев не обладает ауспициями (*quod nemo plebeius auspicia haberet* – Liv. IV. 6.2). Поэтому иногда считается, что плебейские магистраты были лишены права проведения ауспиций на протяжении длительного времени, – например, комментаторы русского перевода Ливия Н.Е. Боданская и Г.П. Чистяков утверждают, что это положение сохранялось до 300 г. до н.э.⁹⁰ Исходя из такого понимания они считают, что «в компетенцию трибунов с консульской властью не входило совершение ауспиций»⁹¹. При этом неясно, на каком основании они отказывают в обладании ауспициями патрицианским консулярным военным трибунам, которые на всем протяжении существования этой магистратуры составляли явное большинство. Конечно, избирательное предоставление права ауспиций только определенной части членов одной коллегии магистратов выглядит не вполне логичным, но аргументов против наделения правом ауспиций консулярных трибунов-патрициев привести вообще невозможно. Поэтому даже те немногие исследователи (В. Беккер, А. Шwegler), которые отрицали за плебейскими консулярными военными трибунами возможность совершения этого вида дивинации, за их патрицианскими коллегами ее признавали⁹².

Без предварительных птицегаданий полководца нельзя было начать ни одного сражения, а то, что при переходе к консулярному трибунату именно военные трибуны с консульской властью были верховными командующими армией, всерьез оспаривать более чем затруднительно. Без ауспиций нельзя было провести выборы консулов или новых консулярных трибунов, а в руководстве избирательными комициями со стороны *tribuni militum consulari potestate*, как мы видели, также сомневаться не приходится. Наконец, процедура провозглашения диктатора включала важной составной частью проведение птицегаданий по его персоне. Если учесть, что в период функционирования консулярного трибуната 11 лет отмечены заменой консулярных трибунов на диктатора, происходившей 12 раз⁹³, то очевидно, что этих диктаторов (кроме, может быть, 434 г. до н.э.) провозглашали консулярные военные трибуны, которые и должны были совершать ауспиции. Правда, как сообщает Ливий⁹⁴, поначалу возникало сомнение в том, отвечает ли нормам благочестия провозглашение диктатора, осуществляемое военным трибуном с консульской властью (и, соответственно, проведение тем ауспиций по его кандидатуре). У Ливия речь при этом идет о 426 г. до н.э., когда, воз-

⁹⁰ Боданская Н.Е., Чистяков Г.П. Комментарии // Тит Ливий. История Рима... Т. 1. С. 534 (прим. 16 к кн. IV).

⁹¹ Там же. С. 538 (прим. 79 к кн. IV).

⁹² Ср. Schwegler. Op. cit. S. 112.

⁹³ 434 г. (Liv. IV. 23. 4–6), 426 г. (Liv. IV. 31. 1–5), 418 г. (Liv. IV. 46. 2–10), 408 г. (Liv. IV. 56. 2; 57. 6), 396 г. (Liv. V. 18. 1; 19. 2), 390 г. (Liv. V. 36. 11–12; 46. 10–11), 389 г. (Liv. VI. 1. 8; 2. 5), 385 г. (Liv. VI. 11. 1–2; 10), 380 г. (Liv. VI. 27. 1–28. 3), 368 г. – две диктатуры (Liv. VI. 38. 2–39. 3), 367 г. (Liv. VI. 42. 4).

⁹⁴ Liv. IV. 31. 4: *et cum ibi quoque religio obstaret ne non posset nisi ab consule dici dictator, augures consulti eam religionem exemere* («Но так как и здесь благочестие препятствовало тому, чтобы иначе, чем посредством консула провозгласить диктатора; спросили совета у авгуров, и те признали это благочестивым»).

можно, первый раз перешли к диктатуре непосредственно от консулярного трибуната, поскольку для 434 года, также отмеченного консулярным трибуналом и диктатурой, источниками зафиксирована еще и консульская пара (Liv. IV. 23. 1–2), которая, не исключено, разделяла их по времени. Для случая первого провозглашения диктатора посредством консулярного трибуна такое сомнение, в общем, не удивительно. Скорее всего, оно было вызвано тем (на это обратил внимание еще Л. Ланге⁹⁵, но его тезис в историографии впоследствии забыли), что в тексте *lex de dictatore creando*, принятом задолго до введения консулярного трибуната, речь могла идти, разумеется, только об объявлении диктатора через консула (первоначально – претора). Вопрос, следовательно, возник о соответствии этому закону провозглашения диктатора посредством консулярного трибуна. Ливий далее вполне определенно добавляет, что разрешилось затруднение обращением к авгурам, обосновавшим сакральную допустимость этого акта⁹⁶. В дальнейшем, как можно судить по античной традиции, подобных сомнений не возникало, и военные трибуны с консульской властью беспрепятственно объявляли диктатора (как и консулы, по согласованию с сенатом, но без одобрения народным собранием⁹⁷), самостоятельно совершая предварительные птицигадания.

Таким образом, без проведения ауспий консулярными трибунами представить выполнение ими основных должностных функций невозможно, следовательно, нужно признать за ними право запрашивать волю богов. Л. Ланге не видел для неуверенности в этом никакой почвы, отмечая, что ауспиции у *tribuni militum consulari potestate* были такими же, как у интеррекса, т.е. *maxima*, ибо без *auspicia maxima* государство не могло существовать⁹⁸. Признавали *auspicia maxima* у консулярных трибунов и антиковеды XX в.⁹⁹ Э. Херцог не усматривал различий в компетенции, в том числе и сакральной, между патрицианскими и плебейскими членами одной высшей магистратуры, подчеркивая, что «уже при децемвирах между патрициями и плебеями господствовала полная коллегиальность, и понятие интерцессии, на которой покоилась *potestas*, делало это необходимым»¹⁰⁰. Т. Моммзен считал, что ауспиции были у каждого члена коллегии в полном объеме, без различия сословной принадлежности¹⁰¹. Он замечал, что предположение об ауспийях только для патрицианских консулярных трибунов противоречит сущности этого политического института, поскольку не соответствует не только принципу коллегиальности, но и циклической очередности исполнения обязанностей высшей власти отдельными трибунами. К тому же в таком случае непременно «требовалось бы резервирование минимум одного места в коллегии для патрициев»¹⁰², о чем источники ничего не сообщают. Мы склонны разделить мнение Моммзена на том основании, что доказать противоположное, на наш взгляд, невозможно. Если полагать, что до Огульниева закона 300 г. до н.э. плебеи не могли совершать общественные ауспиции, то нельзя, например, понять, кто их осуществлял во время нахождения у власти диктатора-плебея. Пока не было плебейских представителей в структурах верховной исполнительной власти, патриции могли утверждать, что плебеи не имеют права вступать в сношения с богами от имени общины. Но как только таковые появились, патрициям, на наш взгляд, пришлось признать такую возможность для членов другого сословия. В противном случае нарушалось бы функционирование высших магистратур, часть членов которых оказывались бы не вполне политически дееспособными (что в условиях сравнительно малого количества носителей исполнительной власти грозило пагубно сказаться на государственной жизни об-

⁹⁵ Lange. Über Zahl und Amtsgewalt... S. 261.

⁹⁶ См. выше, прим. 94.

⁹⁷ Kaser M. Römische Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1978. S. 44.

⁹⁸ Lange. Über Zahl und Amtsgewalt. S. 269–271.

⁹⁹ См. Lohr G. Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani // SDHI. 1975. 41. P. 271.

¹⁰⁰ Herzog. Geschichte und System... S. 738.

¹⁰¹ Mommsen. Op. cit. S. 172.

¹⁰² Ibid. S. 173.

щины в целом). Конечно, право ауспий всегда принадлежало «по природе» только патрициям, но патрицианская куриатная организация (путем принятия *lex curiata de imperio* по каждому высшему должностному лицу) делегировала его на время полномочий и плебейским магистратам.

Военные трибуны с консульской властью могли не только выяснять волю богов путем проведения птицегаданий, но, как сообщает нам Ливий, и совершать искупительные жертвы от имени общины¹⁰³. Следовательно, сакральную их компетенцию как составную часть полномочий магистратов *cum imperio* отрицать не приходится.

Еще одно доказательство принадлежности коллегии консулярных военных трибунов к высшим должностям, а их самих – к обладателям империя состоит в том, что они были магистратами-эпонимами. Таковыми они предстают перед нами, поскольку значатся в консульских фастах¹⁰⁴; в таковом качестве признавал их Моммзен, когда незадолго до своей смерти обратился к анализу вновь найденного фрагмента капитолийских фаст¹⁰⁵. Ф. Эдкок, отмечая неудобство иметь шесть (наиболее часто встречающееся в источниках число консулярных трибунов) эпонимов одного года, предлагал считать, что римляне разрешали эту трудность, называя год именем того, кто совершал обряд ритуального вбития гвоздя в храм Юпитера в иды сентября, т.е. *praetor maximus*¹⁰⁶. По мнению автора, им мог быть один из консулов или консулярных трибунов. Р. Палмер, анализируя и корректируя информацию фаст (датируя, в частности, первое появление коллегии из четырех консулярных трибунов не 426 г., а 428 г. до н.э.), подчеркивал, что магистратами-эпонимами в V – первой половине IV вв. до н.э. были либо преторы-консулы, либо консулярные трибуны¹⁰⁷. Нам представляется, что в период существования консулярного трибуната в роли эпонимов выступали соответственно представители этой коллегии и консулата (который уже не был к этому времени первоначальной претурой). Предположение Ф. Эдкока об удобстве использования с этой целью одного имени *praetor maximus* нас не убеждает. Ибо когда в 363 г. до н.э. впервые назначили диктатора *clavi figendi causa*, памятуя о том, что по древнему закону этот обряд исполнял *praetor maximus*, обычай, имевший место в первые годы после изгнания царей, был уже основательно забыт (Liv. VII. 3.5; 8). Видимо, в приблизительно столетний период второй половины V – первой половины IV в. до н.э., т.е. как раз во время существования консулярного трибуната, об этом обряде не вспоминали, и не было должностного лица, его выполнявшего. По нашим рассуждениям, следовательно, невозможно было заменить им в качестве одного магистрата-эпонима нескольких консулярных трибунов.

Итак, опираясь на изложенное выше, мы признаем *tribuni militum consulari potestate* носителями империя. При этом в наборе аргументов не хватает еще одного, а именно: подтверждения источниками принятия в отношении консулярных трибунов *lex curiata de imperio*, посредством которого избранные в центуриатных комициях магистраты наделялись высшей властью. Куриатный закон об империи неоднократно был объектом специального анализа в исследовательской литературе¹⁰⁸, поскольку представлял собой важное звено в делегировании общиной магистрату государственного руководства. Как правило, историки не находят в античной традиции упоминаний об этом законе

¹⁰³ Liv. V. 17. 1: *eumque adhibere tribuni militum Cornelius Postumiusque ad prodigii Albani procuracionem ac deos rite placandos coepere* («вместе с ним военные трибуны Корнелий и Постумий вследствие альбанского знамения начали по обряду умиротворять богов»).

¹⁰⁴ CIL. I. B., 1863. P. 17–20.

¹⁰⁵ Mommsen Th. Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten // Hermes. 1903. Bd 38. Ht 1. S. 117.

¹⁰⁶ Adcock. Op. cit. P. 12–13.

¹⁰⁷ Palmer. Op. cit. P. 234.

¹⁰⁸ Lübtow U. von. Die lex curiata de imperio // ZSS. 1952. LXIX. S. 154–171; Nicholls J.J. The Content of the *lex curiata* // AJPh. 1967. LXXXVIII. P. 257–278; Develin R. Lex curiata and the Competence of Magistrates // Mnemosyne. 1977. XXX. Fasc. I. P. 49–65; Томаков В.Н. Куриатные комиции и военные магистратуры в Раннем Риме // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. Российской ассоциации антиковедов 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 121–130.

применительно к данным магистратам, и это, по-видимому, иногда не позволяет им решительно высказаться в пользу признания за консулярными военными трибунами совокупность прав, вытекавших из обладания империем. Действительно, авторы политико-правовых сочинений Поздней Республики, писавшихся, когда консулярный трибунал давно стал достоянием далекого прошлого, не вспоминали о нем в связи с *lex curiata de imperio*. В историческом же повествовании наш главный информатор, Тит Ливий, излагая события периода существования должности военных трибунов с консульской властью, обычно не упоминает о принятии куриатного закона ни в связи с ними, ни в связи с консулами. Видимо, для автора «*Ab urbe condita*» не имело смысла каждый раз, бесконечно повторяясь, перечислять все процедуры избрания и вступления в должность новых магистратов. Но тем не менее соответствующее свидетельство, и при том весьма определенное и красноречивое, у Ливия имеется. Оно содержится не в книгах, описывающих времена консулярного трибуната, а в IX книге его сочинения. Повествуя о диктатуре Луция Папирия Курсора 309 г. до н.э. и о принятии куриями закона о наделении того империем, Ливий замечает, что первой выпало голосовать Фавцийской курии, с которой связаны были два бедствия для Рима – падение его при галльском нашествии и Кавдинский мир¹⁰⁹. Поскольку город был захвачен галлами в 390 г. до н.э. именно при консулярных военных трибунах (*Liv. V. 36. 12; 48.8; VI. 1.5*), то, следовательно, Фавцийская курия голосовала тогда первой при принятии *lex curiata de imperio* по поводу данных магистратов, а не каких-то иных. Этот аргумент окончательно доказывает то, что нам и так представляется очевидным: *tribuni militum consulari potestate* были магистратами с империем.

В историографии существует еще один дискуссионный вопрос, связанный с наделением консулярных трибунов империем (для исследователей, признающих у них его наличие), – проблема «дробления» империя между трибунами. Точнее сказать, вопросов все-таки два (они иногда смешиваются, и авторы ведут заочную полемику, говоря о разном). Первый вопрос: все ли из назначенных в определенном году военных трибунов – командиров структурных подразделений римского войска – возводились в ранг консулярных (путем голосования в центуриатных комициях и наделения империем в куриатных) или только какая-то их часть. Второй вопрос: все ли из получивших империй консулярных трибунов в любой момент времени их должностного срока обладали им в равной мере. По первому из них существуют две противоположные точки зрения. Одна из них была четко сформулирована Г. Де Санктисом и заключается в том, что все военные трибуны одного года (а число их, по его мнению, было связано с количеством тысяч воинского набора) получали консульский империй¹¹⁰. Другая представлена С. Стэвели, полагавшим, что не все *tribuni militum* наделялись империем, а только часть их, которую определял сенат в зависимости от общего их числа, но не более шести¹¹¹. Количественный состав данной магистратуры и факторы, на него влиявшие, следует рассматривать в специальной статье, сейчас мы только отметим, что, на наш взгляд, изменение количества мест в коллегии консулярных трибунов определялось голосованием в центуриатных комициях, а не только сенатским постановлением (*Liv. V. 1.2*). Обращаясь же ко второму из выделенных нами вопросов – о фактическом применении империя либо как равным образом распределенного между всеми консулярными трибунами, либо как не подлежащего делению – скажем, что на него уже дал аргументированный ответ В.Н. Токмаков¹¹². Суть его сводится к тому, что дробления империя в Римской республике не было; при функционировании консулата он переходил (чему подтверждением служит переход символов империя – ликторов с фасками) попеременно от одного консула к другому (ежемесячно, а на войне – еже-

¹⁰⁹ *Liv. IX. 38. 15: atque ei legem curiatam de imperio ferenti triste omen diem diffidit, quod Fautia curia fuit principium, duabus insignis cladibus, captae urbis et Caudinae pacis, quod utroque anno eiusdem curiae fuerat principium.*

¹¹⁰ *De Sanctis. Op. cit. P. 54–56.*

¹¹¹ *Staveley. Op. cit. P. 32.*

¹¹² *Токмаков. Сакральные аспекты... С. 46–47.*

дневно по жребью или соглашению), в случаях же, когда оба консула одновременно командовали разными войсками, на каждого из них распространялся полный империй. Это же относилось, по мнению В.Н. Токмакова, и к военным трибунам с консульской властью, с чем мы полностью согласны. Конечно же, все военные трибуны, получавшие в комициях статус консулярных, имели право обладать империем, но это не значит, что на практике у каждого был только его «кусочек», равный трети, четверти, шестой или восьмой части *summum imperium*. Механизм реализации империя в республиканское время предусматривал «разделение» его между высшими магистратами не в таком буквальном понимании, а в смысле очередности выполнения тяжелых обязанностей, которые из него вытекали.

Итак, мы приходим к выводу, что консулярные военные трибуны были носителями *potestas* высших должностных лиц и имели «неусеченный» ни в военных, ни в гражданских полномочиях *imperium*, который осуществлялся нормальным для коллегиальной магистратуры порядком. Остается только в общем виде сопоставить их компетенцию с консульской, поскольку историография предоставляет разнообразные результаты такого сравнения. Одна точка зрения, которой положил начало Э. Херцог, отстаивает ограниченный характер полномочий консулярных трибунов по сравнению с консульскими¹¹³. Он полагал, что идя на уступки плебеям в виде создания магистратуры консулярных трибунов, патриции на практике умалили их власть, предварительно позаботившись о том, чтобы в законе, которым вводилась новая структура, вопросы полномочий затронуты не были. По его мнению, существовало «всеобщее представление об ограниченности власти консулярных трибунов»¹¹⁴, которое выразилось, в частности, в сомнениях о возможности в 426 г. до н.э. провозглашения диктатора через одного из них. Иной подход предложил Т. Моммзен, считая, что компетенция консулярных трибунов была тождественна консульской, но положение их не было равным в отношении почестей и привилегий, следующих за отставкой¹¹⁵. Такая трактовка была принята многими исследователями с вариациями в пределах от формулировки: *potestas* и *imperium* – консульские, но ранг ниже консульского¹¹⁶, до утверждения: *potestas* – консульская, *imperium* – не ясно, а почести – не консульские¹¹⁷.

Суммируя сказанное нами ранее, отметим применительно к сравнению двух магистратур, что рассматриваем консулярных трибунов как курульных магистратов, не сомневаясь в том, что при исполнении должностных обязанностей они имели инсигнии, символизировавшие не только реальную власть, но и уважение, воздаваемое им согражданами. Что касается признаваемого нами совпадения объема полномочий, то особенно показателен в этом отношении тот игнорируемый большинством исследователей¹¹⁸ факт, что хотя в 443 г. до н.э. была создана должность цензоров, составление списка сенаторов (*senatus lectio*) до реорганизации системы магистратур по законам Лициния – Секстия осуществлялось консулярными трибунами, так же как и консулами. Фест прямо указывает, что консулярные трибуны выполняли эту процедуру наравне с консулами¹¹⁹. Тит Ливий сообщает, что цензоры в то время проводили перепись граждан (Liv. IV. 8.3; 22.7), решали проблему долгов (Liv. VI. 27.4; 31.2), но ни разу не отмечает проведение цензорами на протяжении существования консулярного трибуната *senatus lectio*, т.е. его данные не противоречат свидетельству Феста. Поэтому мы согласны с Р. Ридли, что это право перешло к цензорам только в конце IV в. до н.э.¹²⁰, а следовательно создание цензуры не было таким уж прямым следствием стремления патрициев изъять из ведения новой магистратуры, в которую был

¹¹³ Herzog. Geschichte und System. S. 735–738.

¹¹⁴ Ibid. S. 738.

¹¹⁵ Mommsen. Römisches Staatsrecht... S. 172–174.

¹¹⁶ Виллемс. Ук. соч. С. 300.

¹¹⁷ Heurgon. Op. cit. P. 175.

¹¹⁸ За исключением Г. Де Санктиа (Op. cit. P. 58) и Р. Ридли (Op. cit. P. 448).

¹¹⁹ Fest. P. 290 L: post exactos eos consules quoque et tribuni militum consulari potestate... legebant.

¹²⁰ Ridley. Op. cit. P. 448.

открыт доступ плебейам (консулярного трибуната), формирование сената, как это нередко понимается в литературе¹²¹. Таким образом, при учреждении магистратуры консулярных военных трибунов принципиальные ограничения объема их полномочий не закладывались.

Мы начали анализ проблемы с того, что отметили констатацию именно консульского характера власти в употребляемом античной традицией названии должности консулярных трибунов. В каком смысле их компетенция была «консульской»? Наш ответ: в том смысле, что не существовало вопросов, входивших в компетенцию консулов, какие были бы исключены из сферы деятельности консулярных военных трибунов. Даже то, что отрицалось или ставилось под сомнение в исследовательской литературе, например, право на триумф как составная часть военного империя или право на назначение городского префекта как проявление империя в гражданском управлении, по нашему мнению, не отличало консулярный трибунат от консулата. Иначе говоря, объем их полномочий полностью совпадал. Но что же их различало, в чем заключалась та смутно отраженная в источниках несхожесть, которой исследователи пытались подобрать термины «ранг» или «положение»? В нашей исторической модели мы определяем ее как различие характера магистратур: одна (консулат) была высшей ординарной, другая (консулярный трибунат) была высшей чрезвычайной. Высшая исполнительная власть в Римской Республике, и ординарная, и экстраординарная, имела одно и то же наполнение. Ее ограничения или расширения касались не компетенции магистратов, не собственно империя (который был не только «неделим» между должностными лицами, но и «неусекаем» в смысле частичного применения), а либо срока полномочий, либо возможности опротестовать решение магистрата путем провокации или интерцессии. При этом коллегиальные магистраты (и обычные, и чрезвычайные) имели максимальный годичный срок пребывания в должности, но решения их не были свободны от обжалования в комициях и протеста со стороны коллег или плебейских трибунов. Именно к полномочиям высших коллегиальных магистратов в первую очередь применялось понятие «консульская власть», как в узком смысле совещательная. В широком же смысле, по нашим представлениям, понятие «консульская власть» в римском политико-правовом сознании времен Республики было синонимом понятия «высшая исполнительная власть». Поэтому его использование в названии *tribuni militum consulari potestate* не означало ординарного характера магистратуры, а свидетельствовало, с одной стороны, о ее коллегиальности, а с другой, — о верховенстве в государственном управлении. Объем полномочий военных трибунов с консульской властью мы, таким образом, определяем как *potestas par* по отношению друг к другу, как *potestas maior* по отношению к другим одновременно с ними действовавшим магистратам, *potestas consularis* и *imperium summum* по отношению к римским гражданам.

THE COMPETENCE OF ROMAN CONSULAR MILITARY TRIBUNES

V.V. Dementyeva

The article ascertains the competence of *tribuni militum consulari potestate* in the period of 444–367 BC on the basis of Greek and Latin writers' data. The disputable questions treated here are: historicity of this magistrate's name in the ancient tradition, its characteristics as a magistrate or promagistrate, its status as a curule magistrate, the applicability of the term «consular» to it, its relation to *imperium*, etc.

Analyzing the sources on consular tribunes' exercising their power the author concludes that they were endowed with *imperium* in military, civil and sacral spheres. Specially discussed are the questions of their right to triumph, to appoint *praefectus urbi*, to conduct public auspices, etc. It is maintained that there were no legal regulations restricting their power. In the author's opinion, the term «consular» was applied to these magistrates' power (1) in a narrow sense, denoting its collegiality; (2) in a broader sense, as a synonym of supreme executive power.

Consular military tribunate is interpreted as a supreme extraordinary magistrate. Military tribunes' power is qualified as *potestas par* in respect of each other, *potestas maior* in respect of other magistrates and as *potestas consularis* and *imperium summum* in respect of Roman citizens.

¹²¹ См., например: Schwegler. Op. cit. S. 117; Staveley. Op. cit. P. 30.